

УДК 32(47) (091)

Современная российская государственная идеология и ее «николаевские» корни

А. В. Ермаков

Иркутский государственный технический университет, г. Иркутск
e-mail: konservator@rambler.ru

В статье затрагиваются проблемы источников государственной идеологии современной России, и в частности – вопросы истории развития политических институтов «николаевской эпохи» второй четверти XIX в.

Ключевые слова: государственная идеология, Николай I, самодержавие, консерватизм, камерализм.

«Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» – гласит статья 13.2 Конституции РФ. На рубеже XXI в. под «государственной идеологией» мы привыкли понимать какую-либо тоталитарную теорию. Желание навязать единый комплекс взглядов всему обществу при помощи государственных институтов кажется многим из нас нереальным или, по крайней мере, безнравственным. Между тем, государственная идеология сыграла важную роль в развитии общества в период его перехода от религиозного к рациональному типу массового сознания. Именно государственные или ориентирующиеся на государство системы общих ценностей подорвали в свое время в Европе исключительное право христианской церкви на оценку и управление теми или иными человеческими поступками и социальными процессами.

Как известно, термин «идеология» ввел французский ученый-революционер Дестют де Траси (1754–1836). В самом широком смысле им обозначается система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений. Понятие «политическая идеология», на наш взгляд, имеет более узкий смысл. Это относительно систематизированная совокупность понятий, идей и представлений, в которых различные субъекты политических отношений – индивиды, социальные группы, классы, нации, общество – осознают свои политические позиции и интересы и которыми они оправдывают свои политические устремления. Что же до «государственной идеологии», то

она обычно включает в себя широкий комплекс идей и представлений, выработанных данным народом, или, что одно и то же, данной нацией относительно своего прошлого, особенностей своего становления и развития в качестве социально-политической целостности, о своем месте и роли в современном мировом сообществе, основных направлениях и задачах своей внутренней и внешней политики, путях и способах их осуществления.

Германский ученый Карл Манхейм, написавший один из самых капитальных трудов по данной теме «Идеология и утопия», считал, что каждый из нас детерминирован в своем мышлении собственной системой предубеждений – так называемой тотальной идеологией. А в области политики теоретик в своих оценках и волевых импульсах настолько тесно связан с определенным политическим течением, с одной из борющихся сил, что можно говорить о различии стилей мышления – различии, которое простирается даже на логику. «Знание – сила», – писал еще в XVI в. британский ученый и государственный деятель Фрэнсис Бэкон. «Идея, овладевшая массами, становится материальной силой» – вторил ему 300 лет спустя Карл Маркс. И хотя Маркс одновременно разоблачал идеологию как «ложное мышление», не применяя данный термин к собственной системе воззрений (он трактовал марксизм как «научную теорию»), его работы оформили идеологические претензии множества радикальных партий XX в., пришедших к власти в разных странах мира.

Продолжающееся жесткое мировое противоборство разных вариантов трех основных идеологических систем¹: либеральной, социалистической и националистической, формат которого окончательно сложился в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.), не должно скрывать от нас общего происхождения этих систем, делающих упор на разные члены базового лозунга Французской революции 1789 г. Когда речь заходит о выборе первичной ценности, либералы обычно отдают предпочтение свободе, коммунисты – равенству, а националисты – братству (понимая его как превосходство группы лиц, связанных между собой кровными и иными узами). Между тем, занимая практически все пространство публичной политики и общественной мысли, последователи этих идеологических систем одинаково негативно относятся к тем, кто сегодня пытается защищать, а тем более возродить иные «дореволюционные» ценности «старого порядка». Все сколько-нибудь влиятельные консервативные партии в нынешней Европе (даже в посткоммунистической восточной) основаны, в основном, на умеренных трактовках тех же революционных идеологий. Единственной реальной оппозиционной им, «дореволюционной» (хотя и не вполне политической) силой является католическая церковь.

Ситуация в сегодняшней России выглядит немного иначе. «Зачищенное» 70-летним коммунистическим правлением идеологическое поле еще долго не сможет породить полноценной консервативной идеологии европейского типа. Националисты и либералы в силу молодости своих партий еще долгое

¹ Министр обороны США Д. Рамсфелд еще недавно утверждал, что новая мировая война – это война идеологий, война в защиту американского образа жизни. См. [7].

время будут вынуждены выступать радикальными противниками не только своих коммунистических оппонентов, но и построенной ими государственной машины. Коммунисты же до самого недавнего времени, претендуя на власть, не только не выбрасывали традиционный для них лозунг революционного слома всей государственной машины, но и всячески сопротивлялись ее реформированию, т. е. фактически выступали в роли консервативной оппозиции. Еще более твердую позицию в этом вопросе заняла возрождающаяся Православная церковь. Серьезно пострадавшая во времена государственных преследований Русская православная церковь Московского патриархата, тем не менее (в отличие, к примеру, от католиков или мусульман бывшей Югославии), негативно отнеслась к процессу развала государственных структур и приложила свои силы для их сохранения.

Но наиболее интересным для нас представляется поведение самого постсоветского государства. Демонстративно отказавшись от коммунистической идеологии, почти не прибегая к услугам националистов и постепенно сводя на нет влияние либералов, российский государственный аппарат и возглавляющие его лица в начале XXI в. оказались самостоятельной и наиболее влиятельной политической силой в стране. Официально не объявляя о введении государственной идеологии (так как это запрещено Конституцией), они, тем не менее, следуют некоторой традиции, которую с некоторыми оговорками можно назвать дореволюционной или даже... «самодержавной». Серьезные оппоненты этого пути развития России вынуждены признать, что российские социальные революции 1917 и 1991 гг., в отличие от европейских, хотя и ослабили прямое влияние религиозных ценностей «старого порядка» на текущую политическую ситуацию, все же не смогли сломать ни инерции усиления единой государственной власти (заложенной еще при Иване III), ни стремления этой власти к неограниченному суверенитету. Именно этим предельно централизованным суверенитетом в российской истории в глазах народа последовательно наделялись московские великие князья и цари, петербургские императоры, коммунистические генеральные секретари, а теперь и российские президенты.

Проводя реконструкцию и ретроспективный анализ подобной системы ценностей, следует учитывать, что мировоззрение российского правящего слоя уже в XIX в. в основном выражалось «не языком идей, понятий или слов, а языком законов, практических действий и политических решений. Даже и не будучи оформлена словесно, идеология, лежащая в основании этих решений и действий, была вполне определена и ясна. В ее истоках лежало представление о ведущей, решающей роли государства во всех отраслях человеческой жизни» [4, с. 243]. Российские особенности данного мировоззрения, самой важной из которых являлась самодержавная неразделенность интересов государя и государства, не должны заслонять от нас общей почти для всей западноевропейской (кроме английской) мысли XVII–XVIII вв. ориентации на строительство так называемого «полицейского государства». При этом понимание «полицейских» функций, используемых государством с целью поднятия «общественного благосостояния», такими теоретиками госу-

дарственного управления, как Н. де ла Мар, П. де Руайе и Ж. Некер (Франция), К. Герман, И. Г. Г. фон Юсти, Х. А. Шлецер (Германия), И фон Зонненфельс (Австрия) носило предельно широкий характер. Система так называемых «камеральных наук», сложившаяся в Центральной Европе на основе многовековой европейской практики управления королевскими доменами, а затем и государственными имуществами, не только обосновывала неразрывность государственной экономической, полицейской и образовательной политики, но и прямо ориентировала верховную власть на вмешательство во все сферы человеческой жизнедеятельности с целью установления в них правильного порядка. Так, по мнению фон Юсти, основная государственная цель – безопасность подразделяется на четыре второстепенные, которым соответствуют четыре главных подразделения государственной науки, а именно: внешнюю безопасность (предмет политики), внутреннюю безопасность (предмет полиции), увеличение источников существования, взимание доходов, необходимых для казны, и финансы.

Говоря об источниках формирования подобной государственной идеологии в России чуть более подробно, стоит отметить, что теоретические установки полицейстов и камералистов в рамках шведской модели органов государственного управления были импортированы в Россию еще в начале XVIII в. Идеологической основой петровского государства также было учение о «всеобщем благе» и «регулярном полицейском государстве». Наиболее известным представителем этого учения был немецкий философ Христиан Вольф, которого Петр даже предполагал назначить президентом Академии наук. Х. Вольф утверждал, что в целях достижения «всеобщего блага» государство должно регламентировать все стороны жизни граждан: принуждать их к работе, регулировать заработную плату, условия труда, цену товаров, поддерживать правопорядок и нравственность, поощрять образование, науки, искусства и т. д. [2; 6, с. 64, 67]. Дальнейшему распространению идей камерализма в России способствовала популяризация государственных программ Фридриха II (Пруссия) и Иосифа II (Австрия), русский перевод основных работ Юсти (1772) и Зонненфельса (1787), Шлецера (1805) и Г. Сарториуса (1812), а также приезд в Россию на преподавательскую работу Х. А. Шлецера и М. А. Балугьянского.

Что же касается контрреволюционной и антилиберальной реакции в российской официальной риторике и политической практике (как и в русском общественном сознании), то ее первые признаки появились еще в конце правления Екатерины II. Короткое павловское царствование (1796–1801 гг.) представляет собой первую попытку формирования правительственного курса на консервативно-романтической основе. Антимонархические либеральные настроения и конституционалистские увлечения первого десятилетия правления Александра I (годы правления: 1801–1825) несколько ослабили, но все же не остановили распространение консервативной идеологии среди правящей элиты.

Небезынтересно, что в первой четверти XIX в. общественную поддержку официальному консерватизму довольно часто оказывали те, кто еще не-

давно сочувствовал развернувшемуся под влиянием Великой французской революции процессам глобального общественного переустройства. Однако прогресс продвигался слишком стремительно даже для многих из тех, кто разделял мнение о неизбежности и необходимости отдельных серьезных перемен. Процесс поворота от радикального отрицания традиционных политических и социальных институтов к восстановлению утраченной ценностной ориентировки предшествующих поколений в конце 1810-х гг. заметен, в частности, у таких первоначальных антагонистов и крупных идеологов русского реформизма, как Н. М. Карамзин и М. М. Сперанский. Большую роль в оформлении «постпросветительской» и контрреволюционной государственной идеологии сыграли и такие государственные и церковные деятели, как адмирал А. С. Шишков, сенатор Г. Р. Державин, московский митрополит Филарет (Дроздов), а также фактический глава александровского Комитета министров последних лет А. А. Аракчеев и его сторонники Д. П. Рунич и М. Л. Магницкий, новгородский архимандрит Фотий (Спасский). Последние, однако, скорее, создавали условия для созревания новой государственной идеологии, чем участвовали в ее складывании. Нельзя не отметить и внешне, в основном, консервативно-романтического влияния европейских мыслителей эпохи реставрации и легитимизма, таких как Ж. де Местр (долгое время служивший сардинским послом в России), Ф. Р. де Шатобриан, Л. Бональд, а также Новалис (Ф. фон Гарденберг) и Э. Берк.

Важнейшим пунктом для складывания основных государственных идеологических ориентиров явилась и Отечественная война 1812 г., когда агрессия европейского радикального модерна, с одной стороны, пробудила в русском сознании патриотические чувства, захватившие и высшие образованные сословия, а с другой – возвратила самодержавию его прежнее значение центра консолидации национального и государственного сопротивления. Несмотря на то, что значительная часть молодого дворянства усвоила патриотизм в его революционной радищевско-рылеевской трактовке, мышление большей части российской правящей элиты все же продолжало стихийно эволюционировать в сторону дальнейшего укрепления самодержавия и предоставления ему чрезвычайных полномочий для укрепления государства и охраны его безопасности. Вехами этой эволюции стали: отставка и ссылка главного правительственного реформатора М. М. Сперанского (1812), эксперименты Александра I по созданию Министерства полиции (1811–1819) и Министерства духовных дел (1817–1824), его инициатива по общеевропейской организации консервативных политических сил в рамках Священного Союза (1815), создание системы военных поселений и постепенное возвышение А. А. Аракчеева (1817), окончательный отказ от конституционных проектов (1818), полное запрещение тайных обществ и масонских лож и начало консервативной чистки учебных заведений (1822) и, наконец, назначение руководителем возрожденного министерства народного просвещения виднейшего консервативного идеолога первой половины XIX в. А. С. Шишкова, утвержденное Александром I в мае 1824 г., знаменует окончательный отказ са-

модержавия от курса либеральных реформ еще за полтора года до мятежа декабристов.

В определении целей и принципов государственного строительства (на практике часто реализующихся и сегодня!) нельзя особо не отметить роль личности императора Николая I (годы правления: 1825–1855). Печать его деятельности лежит практически на всех правительственных заявлениях и мероприятиях второй четверти XIX в. Не имея, в отличие от многих своих предшественников, какой-либо заранее сформулированной программы действий, этот император во многих случаях умел не только четко, даже афористично¹ отвечать на вызовы времени, но и неуклонно проводить в жизнь принятые решения, добиваясь при этом конечного результата.

Излишне пристрастное внимание историографии к двум основным неразрешенным вопросам николаевской эпохи – крепостному и восточному – не должно заслонять множество несомненно верных и удачных (хотя и не всегда популярных) стратегических решений, наиболее значительными из которых являются: организация аппарата чрезвычайного управления страной, действующего на базе Собственной ЕИВ канцелярии; создание первой в истории России мобильной и разветвленной службы государственной безопасности, совмещающей информационные, надзорные и карательные функции в рамках Корпуса жандармов; разгром всех попыток создать в России революционную оппозицию или хотя бы питательную среду для нее; активное участие в создании первого свода законов Российской Империи и ряда уложений и уставов, регламентирующих различные сферы жизни имперских подданных; учреждение социально-ориентированных министерств двора и государственных имуществ, а также ряда секретных комитетов, и связанная с ними теоретическая и практическая подготовка крестьянской реформы; серьезное преобразование органов местного управления; активизация строительства путей сообщения; содействие улучшению статусного и материального положения Православной церкви и ее духовенства на фоне планомерной государственной борьбы с унией, расколом и безбожием; дальнейшее развитие сети профессиональных учебных учреждений с одновременным ужесточением контроля за народным образованием в целом; покровительство развитию национальной культуры (вкус императора парадоксально сочетал преклонение перед классицизмом и тяготение к русским историческим и народным мотивам) в сочетании с ужесточением цензуры печатных изданий; широкое поощрение национальной торгово-промышленной деятельности в сочетании с протекционистской таможенной политикой. Сюда же стоит отнести ряд крупных внешнеполитических инициатив, повлекших за собой серьезное

¹ «Послезавтра поутру я или государь, или без дыхания»; «Где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен»; «Россией управляю не я, а 40 тысяч столоначальников»; «Если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь»; «Крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным», и. т. п.

территориальное приращение Российской Империи, укрепление ее международного престижа и влияния, появление на карте мира новых православных государств (Греция) и укрепление автономии стремящихся к независимости православных областей (Сербия, Молдавия и Валахия). Николай I также, в целом, стремился продолжать традицию своего предшественника-брата в деле максимально возможного сохранения существующих границ и сфер влияния в Центральной и Западной Европе и на Ближнем Востоке, однако продолжающееся разложение идеологии Священного Союза также побуждало его создавать из остатков Союза подобие «санитарного кордона» на западных границах России.

В основе всех этих решений, реализовывавшихся императором в течение 30 лет, безусловно, лежал определенный комплекс идей, более или менее полно реконструируемый сегодня как на основе сохранившихся высказываний Николая I, так и при помощи анализа утвержденных им официальных документов. Ключевым для понимания взглядов императора на собственную государственную деятельность можно считать следующее его высказывание, обычно приводимое в сокращении: «Здесь порядок, строгая, безусловная законность, нет умничанья и противоречия, здесь все согласуется и подчиняется одно другому. Здесь никто не повелевает прежде, чем сам не научится послушанию; никто не возвышается над другими, не имея на то права; все подчиняется известной определенной цели; все имеет свое значение и тот же самый человек, который сегодня отдает мне честь с ружьем в руках, завтра идет на смерть за меня!.. Я взираю на целую жизнь человека как на службу, ибо всякий из нас служит; многие, конечно, только страстям своим; а им-то и не должен служить солдат, даже своим наклонностям. Почему на всех языках говорится: богослужение? Это не случайность, а вещь, имеющая глубокое значение. Ибо человек обязан всецело, не лицемерно и, безусловно, служить своему Богу. Отправляет ли каждый свою только службу, выпадающую ему на долю, и везде царствуют спокойствие и порядок, и если бы было моему, то воистину не должно было бы быть в мире ни беспорядка, ни нетерпения, никакой притязательности» [3, с. 701–702].

Армейский идеал служения Богу во имя порядка сопровождал деятельность Николая I до последних дней его жизни. Спекулятивное понимание этой идеи до сих пор дает возможность критикам николаевского самодержавия сводить ее к «тупому солдафонству», оправдывающему всякое насилие верховной власти. Однако такое толкование более чем однобоко. Понимание государственной и военной службы как «богослужения», скорее, должно вызвать ассоциации с традиционным для православного сознания представлением о верующем как о «воине Христове». Стоит также отметить, что священное значение государственной службе, в которой должный порядок торжествует над частными интересами, придавали практически все русские самодержцы, начиная с Петра I (чьим продолжателем неоднократно заявлял себя Николай) и заканчивая Павлом I и Александром I (чью память он глубоко чтит).

Служение государству было также основным постулатом камерализма, принципы которого реализовывались в николаевской внутренней политике довольно широко. Прослушавший в детстве краткий курс «камеральных наук» у ученика Зонненфельса М. А. Балугьянского, Николай I не только ввел их обязательное преподавание в ряде высших учебных заведений империи, но и создал в российской ведомственной структуре два новых министерства: императорского двора (1826) и государственных имуществ (1837). Сугубое внимание императора к финансовой политике (под конец жизни он даже сам составлял государственный бюджет) и развитию полицейского права (Уложение о наказаниях) также обнаруживает в нем последовательного камералиста.

Интересно, что субъективное отношение Николая I к идее торжества должного над личным порой выглядело более, чем сложным. «Странная моя судьба, – писал он. – Мне говорят, что я – один из самых могущественных государей в мире, и надо бы сказать, что все, т. е. все, что позволительно, должно бы быть для меня возможным, что я, стало быть, мог бы по усмотрению быть там и делать то, что мне хочется. На деле, однако, именно для меня справедливо обратное. А если меня спросят о причине этой аномалии, есть только один ответ: долг! Да, это не пустое слово для того, кто с юности приучен понимать его так, как я. Это слово имеет священный смысл, перед которым отступает всякое личное побуждение, все должно умолкнуть перед этим одним чувством и уступать ему, пока не исчезнешь в могиле. Таков мой лозунг. Он жесткий, признаюсь, мне под ним мучительнее, чем могу выразить, но я создан, чтобы мучиться» [цит. по: 5, с. 93–94].

Понятие «священного долга» в сознании императора было неразрывно связано и с понятием святости Закона, понимаемого им (как и его отцом Павлом I) не только как набор правовых норм, но и как основа незыблемости самодержавной власти и государственного устройства, в целом. «Я желаю положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов» [1, с. 126], – заявил он уже накануне событий 14 декабря М. А. Балугьянскому – будущему руководителю II («законотворческого») отделения ЕИВ канцелярии. Упорядоченное законодательство, по мнению Николая I, должно было, во-первых, олицетворять нерушимую преемственность политики правящей династии, начиная с первых Романовых; во-вторых, – обосновать новую, особую роль государственного аппарата и его сотрудников в различных сферах жизни имперских подданных; а в-третьих, – дать этим подданным минимальные гарантии правосудия и защиты от всякого (в том числе и аристократического, и бюрократического) «беззаконного» произвола, подменявшего «царскую волю» или даже покушавшегося на нее. Кодификация законодательства в 1832 г., как и стабилизировавшая курс рубля денежная реформа 1839–1843 гг., были для Николая I важнейшими символами выхода России из кризиса, общей победы сторонников традиционного порядка над хаосом и произволом революционной анархии. Другими важными символами установления порядка были для него создание официального Государственного гимна (1833), церемония освящения Александрьевской колонны (1834), провозглашение министром С. С. Уваровым базовых принципов российского

народного просвещения: «Православие. Самодержавие. Народность»¹, – постройка, реставрация и церемониальная демонстрация открытия ряда важнейших церковных и государственных сооружений, памятников и архитектурных ансамблей.

Устойчивая склонность Николая I к демонстративной церемониальности в самых различных сферах государственной и общественной жизни трактовалась некоторыми его современниками и многими позднейшими исследователями опять-таки как «торжество формы над содержанием» и проявление «парадного формализма». Однако нельзя отрицать положительного влияния подобных мероприятий на формирование национального самосознания населения Российской Империи, а также их вклада в консолидацию общественного мнения по важнейшим политическим вопросам. Те же задачи решали и усиливавшаяся с годами симпатия императора к медленному внедрению русских народных (хотя порой и стилизованных) мотивов в ориентированную на Запад культуру русской элиты, и его безусловная приверженность к русскому языку как государственному, и его содействие улучшению как статусного, так и материального положения Русской православной церкви и ее духовенства на фоне планомерной государственной борьбы с унией, расколом и безбожием. То, что историография позднее определит как «официальную народность» или «казенный патриотизм», было для императора таким же личным, глубоко осознанным выбором, как и ориентация на чрезвычайные методы управления империей, последовательно реализованная им путем создания ряда высших вневедомственных государственных учреждений, обладавших самыми широкими полномочиями и группировавшихся вокруг Собственной ЕИВ канцелярии.

Нельзя не заметить, что ценой величайшего напряжения николаевское государство выработало еще одну весьма ценную для его преемников особенность. Складывавшейся в то время глобальной социально-экономической системе мирового капитализма, непрерывно «производящей нестабильность» и регулярно «экспортирующей» ее на периферию, Россия уже к 1848 г. смогла противопоставить «аппарат производства стабильности». Временами он, как и всякое «предприятие», также страдал кризисами перепроизводства или инвестиционным голодом, которые в свою очередь трансформировались в вакуум власти и общественный «застой». Но, переживая кризисы, этот аппарат, как мы видим сегодня, показал выдающуюся жизнестойкость и продемонстрировал удивительные способности к заполнению вновь образующихся зон нестабильности (как структурных, так и территориальных) даже в быстро изменяющихся исторических условиях. Именно в рамках преодоления неста-

¹ А. Н. Пыпин позднее охарактеризовал эти принципы как «теорию официальной народности», создав, таким образом, легенду о том, что главным идеологом николаевского государства был именно Уваров. На деле «официальная народность» – такая же часть идеологической доктрины самодержавия, как теория «правомерной монархии» М. М. Сперанского, теория и практика «высшей полиции» А. Х. Бенкендорфа, концепции камерального управления экономикой Е. Ф. Канкрин и П. В. Киселева, доктрина военного управления окраинами и т. п.

бильности им и сегодня порождается государственная идеология, пусть и явочным порядком.

Можно предположить, что основным ресурсом, питавшим эту стабилизирующую функцию государственного аппарата, по крайней мере, в николаевское время, была сама природа самодержавия. Сознательно углубляя запущенный еще Петром I стихийный процесс конвертации, т. е. превращения сакральной, почти мистической самодостаточности царской власти в самодостаточность и «технологический суверенитет» управленческой вертикали, Николай I был здесь безусловным модернистом. Колоссальный кредит общественного доверия, выданный династии Романовых еще на Земском Соборе 1613 г., в XIX в. оказался распылен среди пресловутых «сорока тысяч столоначальников». В таком виде абсолютный политический суверенитет русской верховной власти, ее традиционная идейная независимость и самодостаточность, несомненно, не только ослабевали и теряли авторитет, но даже частично обесценивались. Но, видимо, только таким путем этот демонстративно переданный чиновникам российский суверенитет вообще мог выжить среди бурь грядущего XX столетия. Государственным деятелям России третьего тысячелетия, как прямым наследникам такой уникальной на сегодняшний день идейной и социально-политической структуры, стоило бы по достоинству оценить ее возможности и поблагодарить своих предшественников за качественно проделанную работу.

Критики сегодняшней системы власти, представляющие самые разные, подчас полярные идеологические системы, часто упрекают нынешних носителей государственной идеологии в том, что они «обманывают народ», отказываясь четко формулировать свои идеологические позиции, и при всякой возможности уклоняются от публичной дискуссии с обществом по важнейшим вопросам. Интересно, однако, то, что народ, в отличие от требующего дискуссии интеллектуального истеблишмента, ничуть не «обманывается», а, напротив, пассивно поддерживает и одобряет такую уклончивую, непубличную информационную стратегию власти. Более того, подавляющее большинство многонационального народа России сегодня либо прямо одобряет такие тенденции государственного развития, пользуясь предоставленными ему демократическими механизмами, либо косвенно поддерживает их, отказываясь ходить на выборы¹. Таким образом, народ признает если не легитимность, то приемлемость поведения государственной власти, укорененность стереотипов этого поведения в рамках некоей общепринятой и общепризнанной, хотя впрямую и не заявленной системы идей и ценностей, т. е. в традиционной государственной идеологии России, сложившейся задолго до начала XXI в.

¹ Некоторые политические аналитики считают такое поведение протестным и называют его «бойкотом», однако большинство исследований общественного мнения последних лет не подтверждают роста протестных настроений в обществе; невыход на выборы в такой ситуации выглядит, прежде всего, как нежелание что-либо менять, а значит, как пассивная поддержка существующего политического порядка.

Литература

1. *Баранов П. М.* А. Балугьянский / П. М. Баранов. – СПб., 1882.
2. *Богословский М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. / М. Богословский. – М., 1902.
3. Из записок Шнейдера // Древняя и новая Россия. – 1880. – Т. 16 (1). – С. 701–702.
4. *Митрополит Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа / И. Снычев. – СПб., 1994.
5. *Раев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII вв.: Попытки сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. – Самара, 2000.
6. *Тарасов А.* Неопровержимые доказательства // Свободная мысль. – 2004. – № 2. – С. 72.
7. *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы / С. С. Татищев. – СПб., 1889.
8. *Пресняков А. Е.* Апогей самодержавия. Николай I / А. Е. Пресняков. – М., 1925.

Contemporary Russian State Ideology and its Sources

A. V. Ermakov

The article addresses the problem of sources of state ideology of modern Russia, in particular – the history of development of political institutes of «Nikolas' (Nikolay's) epoch» for the second quarter of the 19th century.

Key words: state ideology, Nikolai I, the autocracy, conservatism, cameralism.

Ермаков Артем Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры искусствоведения Иркутского государственного технического университета, e-mail: konservator@rambler.ru